

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Тот, кто назначен судьбой : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206871-3

Стеша обладала странным даром — видя людей, девушка понимала, кому из них суждено образовать пару. Но сама она до сих пор оставалась одна. И только оказавшись на краю пропасти, на грани смерти, Степанида наконец встретила своего идеального возлюбленного. Вот только он категорически отрицает для себя всякую возможность серьезных отношений.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206871-3

© Алюшина Т., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люблю эту книгу.

Она для меня ценна и значима.

За несколько лет до нее я написала роман «Запутанные отношения». Мне казалось, что эта история закончена и не подразумевает продолжения... Но мои преданные читатели решили иначе! Меня буквально завалили вопросами о судьбе одного из героев книги — Тимофее, — настаивая на обязательном продолжении рассказа о его жизни и судьбе.

И однажды я все-таки решилась сделать Тимофея главным героем одной из книг.

Повлияли на это не только просьбы читателей, но и впечатление от истории жизни реального человека — русского офицера с очень непростой судьбой. Человека безусловно героического, обладающего жизнестойкостью и удивительным чувством юмора. Ну, и героиню я выбрала ему под стать.

Как получилось — судить вам. Мне эта история очень дорога.

Татьяна Алюшина

Спас ее куст.
Или не куст вовсе, а молоденькое совсем деревцо — неважно, какое-то растение, не-большое, но цеплущее. А деревцо, не деревцо, она не ботаник — так что пусть будет куст! Тем паче что он так, зараза, вцепился, что пришлось долго с ним копошиться, пытаясь отодрать от одежды, и, поверьте, это занятие совсем не располагало к задумчивому рассматриванию растения и выяснению его классификации. Это уж точно!

А все потому, что она забрела подальше, углубившись прямо в заросли какие-то. Намеренно, разумеется, и вполне обдуманно.

Группа сделала привал на понравившейся ей небольшой, практически ровной, как стол, скальной площадке, нависшей карнизом высоко над рекой, бурлящей в порогах бурунами водных брызг. Место называлось Бараний Лоб, что ему очень подходило, потому что эта выступающая над крутым обрывом скала с определенного ракурса сбоку и на самом деле напоминала выставленный вперед лоб тупой, упертой бараньей башки.

Парни наперебой принялись уговаривать встать прямо здесь лагерем, сильно впечатлившись открывающейся, прямо-таки завораживающей панорамой дикой природы. Но дядя Миша, их неизменный и надежный проводник, помотав отрицательно головой, усмехнулся с явным сарказмом и коротко констатировал:

— Не пойдет! Красиво, а как жить, у нас тут везде красиво, куда ни глянь, но жопы отморозите на каменюках этих, — и махнул ручищей своей, как на деток неразумных, глупость сболтнувших. — Баловство!

«Ну, а кто еще? Дети, конечно», — вздохнула про себя безнадежно Степанида и тоже махнула рукой, распоряжаясь:

— Привал десять минут, и идем дальше.

Жестом показала дядя Мише, что она в кустики по нужде, тот в ответ кивнул и полез в свой доисторический брезентовый плащ за табаком.

Да, «мальцы», как называют тут местные ребята, какие-то прямо неугомонные, это точно, — рассуждала Стеша, углубляясь в заросли, — да детский сад вообще! Троим по двадцать одному году, старшему в группе двадцать четыре, и вроде бы мужик здоровый, жениться собрался, с претензией на солидность и разумность, аспирант, а такое же дите, как и студенты ее баламутные. По крайней мере, подписывают они его на все свои задумки и проказы шепутные влегкую, на раз-два, даже на понт не берут или слабо — задурят голову ученую, что-то там с умным видом насочиняют, и, глядишь, он уже «в деле».

Ну, понятно, что мальчишкам скучно без привычного драйва столичного: ни тебе интернета скоростного, связь вообще прошлый век, докричаться проще, чем дозвониться, гаджеты, как хлам, лежат пылятся, ни клубов, ни тусовки, ни

переписки активной в соцсетях — тоска-а-а. Глухая таежная деревня, в которой группа зависла на долгий месяц.

И хоть уходят они в тайгу на работу на несколько дней с ночевками и длинными переходами, а уж там не заскучаешь особо: отмотаешь по дикой местности десятки километров с тяжеленным рюкзаком и аппаратурой на горбу, а потом так упахаешься за день, что еле ноги до спальника в палатку дотащишь, но парням все равно скучновато. Вот они и резвятся от души, придумывая развлечения разные, порой слишком неумные и не совсем безобидные.

Но Степанида по большей части смотрела на все их выкрутасы сквозь пальцы и излишней строгости руководителя не проявляла понапрасну — пусть себе, главное, чтоб без перебора и никого из местных не задевали. Вот, оберегаясь от такой активности своих подчиненных, она и полезла подалее от стоянки, а то с этих оболтусов станется подсмотреть, как начальница в кустиках пристраивается и штанишки спускает. Нет, сам процесс они вряд ли станут наблюдать, но подшутить, шугануть с облюбованного места, разыграть это запросто могут. Потом, разумеется, извинятся, но поржут от души, а то! И не преминут после пройти по ее фигуре и пятой точке намеками да смешком, но вроде как соблюдая положенное уважение к руководителю. А как же! Хоть какая развлекуха!

Она хмыкнула таким мыслям и покрутила головой, улыбаясь: ну, мальчишки, пацаны, что с них возьмешь! Она вон даже рюкзак не сняла и на привале не оставила, на автомате так и потащив на спине, хоть устала от него уже зверски.

А потому что уже не раз сталкивалась с приколами этих «детешек» — то лягушек они ей в рюк-

зак насовали, и когда на привале Стеша открыла клапан, они как принялись оттуда выскакивать, громко квакая. Она тогда отскочила ланью перепуганной с визгом! Вот парни ржали! Даже невозмутимый дядя Миша похохатывал. Потом был ужик в боковом кармане, но тут уже Степанида не растерялась и скакать-визжать не стала, а, поймав рептилию, кинула ее прямо Андрею Торгину, главному идеологу и заводиле всей этой компании, в руки.

Тогда завизжал уже от неожиданности он. Тоже повод для веселья и дружного гогота.

И завязанные узлами рукава ветровки, и ржавый дырявый котелок вместо пригодной посуды — вот такая вот у нее в подчинении младшая группа детского сада «Василек», в официальных документах благородно именуемая научной экспедицией.

Но рюкзак теперь Стеша без присмотра не оставляла, так и таскала даже в кусты.

Все улыбаясь своим мыслям, Степанида забрела довольно далеко, скинула надоевший до зуда в спине рюкзак и уселась под кустиком у дерева по малой своей природной нужде, как называет это действие их проводник. А когда поднималась, этот самый куст вцепился в петли на поясе ее брюк, причем так крепко, словно отпускать не хотел — типа: «Эй, ты куда собралась, дорогая? Ну, поиграй тут со мной, посиди еще чуток, поговорим, подумаем!» Она рванула раз, два — ни в какую!

Пришлось две руки заводить за спину и на ощупь пытаться отодрать привязчивые ветки. Но они никак не поддавались. Стеша уж тихо поругивалась сквозь зубы и проваландалась с этим кустом незнамо сколько времени, еле сдерживая естественный порыв рвануть к такой-то бабушке со всей дури свои штаны из этих веток! Сдержалась. Расцепила как-то.

Поправила одежду, закинула на одно плечо рюкзак и пошла к стоянке.

Шум бьющейся в порогах воды все нарастал по мере ее приближения к временному лагерю, а вокруг царила умиротворяющая, настраивающая на возвышенный лад природная гармония. Стеша вдыхала полной грудью чистый, пьянящий хвойный воздух, смотрела на деревья, стоявшие гордым войском посреди каменных россыпей, и чувствовала некое особое состояние, какое наступает, когда вот так близко соприкасаешься с первозданной, нетронутой природой, словно чистишься душой, и что-то звенит внутри от этой удивительной красоты...

И вдруг, разбивая в хлам все хрустальное умиротворение и спокойствие, прогремел выстрел! Казалось, что прямо прогрохотал, как взрыв, чужеродным, совершенно неуместным посреди всей этой тишины и гармонии звуком!

Со стороны их привала!

Она замерла на месте, оторопев от неожиданности.

Да что там у них такое?! Зверь какой, что ли, вышел? Или...

С вариантами было туговато — любое «или» могло случиться, любое!! Черт! Да в этой дикой тайге что угодно может случиться!

И вот что бы вы сделали при таком раскладе? Правильно — побежали бы, да еще как, немедленно выяснить, что происходит, что случилось там у ребят... Нормальный человек, к тому же отвечающий за всю эту компанию, разумеется, во все лопатки припустит вперед разобраться в проблеме.

А она вот не побежала. Наоборот, надела рюкзак, как положено, на оба плеча и двинулась вперед медленно, внимательно оглядываясь по сторо-

нам, тщательно прислушиваясь и стараясь ступать очень осторожно, глядя, куда и как наступает, обходя сухие ветки на земле, чтобы производить как можно меньше звуков.

Вот такая девушка. С детства доведенное, закрепленное до уровня инстинкта, до рефлекса правило, практически закон жизни, втолкованный ей — не знаешь, что за ситуация, происходит нечто непонятное, странное или пугающее, или тебя что-то сильно насторожило? Прежде чем кидаться от дурной башки без разбора и выяснять методом наскока и дурака «что там такое», ударившись с разбегу лбом об обстоятельства, — оцени обстановку, разведай и узнай все, что можно, пойми, что происходит на самом деле, реально взвесь свои силы, шансы и возможности в данных обстоятельствах и только тогда принимай решение и начинай действовать. Только тогда!

Папенька родной постарался, обучая таким вот правилам жизни. Ну и как действовать и принимать решения, тоже не забыл научить. Но это тема отдельная.

Осторожно продвигаясь вперед, Степанида уже отчетливо различала незнакомые мужские голоса, громко кричавшие хозяйским тоном, отдававшие какие-то приказания, и уже отчетливо понимала, что происходит нечто совсем хреновое. Из ряда вон какое хреновое! И главное, пока непонятное.

Стеша согнулась чуть ли не пополам, в полуприсядку пробираясь поближе — уже за деревьями просматривалось какое-то мельтешение фигур, но неясное, и слова различить было никак невозможно, кроме отдельных матерно окрашенных выкриков незнакомцев. Она остановилась. Присела на корточки и принялась осматриваться в поисках более удобной позиции, с которой было бы

возможно увидеть все более отчетливо, при этом самой оставаясь незаметной.

Так. Слева от нее, уходя вперед до самого обрыва, над рекой тянулась каменная гряда, поднимаясь метра на три, влезть на нее, конечно, можно и вполне реально, но это займет довольно много времени, и не факт, что оттуда будет все видно, а уж про то, чтобы расслышать что-то, и вовсе забыть нужно — далековато. Справа же каменные глыбы хоть и попадались, но одиночные, разбросанные среди деревьев, а не сплошным массивом, а вот деревья...

Так, деревья — это уже лучше.

«Возможно!» — повторила мысленно себе Стеша и осмотрелась уже более конкретно с этой самой мыслью.

Подходящий под задачу объект обнаружился после того, как она, со всей осторожностью, практически ползком, продвинулась еще немного ближе к лагерю. Рюкзак Стеша припрятала в небольшой расщелине между камнями и поваленным стволом старой ели и даже присыпала сверху сухой хвоей и прошлогодней листвой для большей конспирации, предварительно вытащив из него маленький, но мощный бинокль и цифровую видеокамеру.

Все это разведывательное добро повесила себе на шею и чуть ли не по-пластунски подобралась к самому крупному дереву, стоявшему аккуратно у края каменной площадки, которое предварительно и высмотрела для проведения рекогносцировки, ползая тут, как партизанка какая.

«Кажется, это пихта или кедр?» — пришла в голову странная отвлеченная мысль. Стеша даже головой помотала от удивления и возмутилась: «Ты что, Степанида, обалдела? Ты еще про пестики-тычинки порассуждай давай, самое время!»

От испуга, что ли? Да вроде и не очень она испугалась.

Напряглась, понятное дело, нервничает, но чтобы бояться уж так, чтобы прямо страшно-страшно, — такого точно нет.

Когда задумал залезть на дерево, замечательно, если на его стволе имеются ветки и желательно поближе к земле. Ветки на облюбованном дереве, понятное дело, имелись, но назвать их удобной лесенкой к вершине нельзя было даже с большой натяжкой.

А куда деваться? Охо-хо-шеньки!

Перекинув на спину бинокль с камерой, кое-как цепляясь за торчащие из ствола пеньки-обрубки обломанных временем и стихиями ветвей, перемазав все ладони и куртку спереди смолой, стараясь производить как можно меньше шума, Стеша смогла-таки добраться до толстых веток и по ним подняться повыше и даже вполне удобно устроиться на одной из них.

Она не ошиблась — с той точки, где она осторожно усаживалась на удобной большой ветке, плоская каменная площадка над обрывом была видна как на ладони. Вообще Стеше очень повезло, что все эти ее карабканья никто не услышал и не увидел — дерево стояло совсем близко к площадке, выручил фоновый шум от бурлящей внизу реки, ну, и общая занятость людей на площадке, о которой можно было догадаться по непрекращающемуся матерному крику.

Еще не рассмотрев все толком и не поняв, что там творится у них внизу, Степанида сразу же включила видеокамеру, настроила ее, навела картинку на площадку и выставила звук на максимальную громкость записи.

И вот тогда-то, когда наконец через экран камеры, приблизив и увеличив картинку, девушка

рассмотрела в деталях, что именно там происходит и как, она обалдела от непонимания и прокатившего по спине холодом испуга.

Что за дела-то такие?! Что происходит-то, а?!

Сердце заколотилось перепуганно, и кровь шибанула горячей волной под коленки! От неожиданности и страха она чуть равновесие не потеряла. Пришлось ухватиться свободной рукой за дерево и прижаться к стволу боком.

И в этот момент ветер, как по заказу, подул в ее сторону, и все разговоры внизу стали слышны довольно ясно и отчетливо.

Четверо абсолютно незнакомых ей мужиков, явно местных каких-то, все в охотничьей снаряде, с охотничьими ружьями, громко матерясь и отдавая приказания тоном наехавших бандюков, кошмаря психологически непрерывным ором, подталкивая прикладами ружей в спины, поставили ребят на колени в ряд. А чуть в стороне, ближе к краю площадки, Степанида заметила лежавшего неподвижно на боку Михаила Евгеньевича, так и не снявшего своего рюкзака с плеч.

Бывший егерь вообще не любил «попусту поклажу тревожить», как он частенько говаривал: «А зачем? Приладил добротню к спине, чтоб не елозил, не бил по-глупому, и ходи себе», уж тем более на таком небольшом привале, на один перекур.

Она навела на дядю Мишу видеокамеру, увеличила максимально картинку, но так и не смогла понять, жив ли он вообще, дышит ли. Это в него, что ли, стреляли? Но как ни присматривалась, крови не заметила.

— Где девка ваша?! — орал один из воинствующих незнакомцев на аспиранта Витю, стоявшего перед ним на коленях.

И тут же без предупреждения, с короткого замаха ударил кулаком его в челюсть. Судя по уже

текшей из уголка губ по подбородку Вити струйки крови, бил он его не первый раз. Голова парня дернулась, а Стешка ахнула от неожиданности и возмущения, но тут же сильно прикусила губу — нельзя!

Нельзя себя выдавать! Никак нельзя! Поймают же! И кто мальчишкам тогда поможет?! Она тут сидит как на насесте, если кто-то из этих бандюков посмотрит вверх и приглядится повнимательнее, ее сразу же заметят! Сразу!

— Я спросил, где девка?! — проорал мужик.

Витя сплюнул кровавую слюну, вытер губы, посмотрел на кровь на пальцах и довольно спокойно ответил:

— Я же сказал: она сегодня на заимке осталась с данными работать. У нас накопилось много данных, их надо периодически обрабатывать, рассчитывать и вносить в компьютер, сегодня ее очередь этим заниматься.

И тут еще один из мужиков подскочил к Аркаше Азовскому, как и остальные, стоявшему на коленях и с расширившимися от ужаса глазами потрясенно крутившему головой, наблюдая за происходящим вокруг, словно не веря в то, что это происходит на самом деле. В его жизни, в реале! Он даже не успел ничего сообразить и отреагировать как-то, хотя бы попробовать отклониться, когда получил мощный удар в челюсть, от которого свалился кулем набок. Мужик, здоровый, как лось, ухватив Аркашу за шиворот, потрянул его, как куль с мукой, приподнял и снова усадил на колени и, не отпуская его ворота, наклонился и проорал ему на ухо:

— Он говорит правду?! Девка ваша где?!!

— До-о-ома осталась!! — заорал во все горло от испуга Аркаша. — Честное слово, дома!! У нас работы много, данных!! — и неожиданно всхлипнул,

как перед истерикой, чуть не заплакал, но сдержался.

Мужик потрянул его еще разок, отпустил и посмотрел на напарника, который бил аспиранта Тюрина.

— Похоже, на самом деле девка не с ними. Что делать будем, Чума?

— А что будем? — спокойно ответил тот, отошел от Вити и уселся на рюкзак кого-то из парней. — Что решили, то и будем. — Достал неторопливо сигареты и зажигалку из кармана камуфлированной куртки, по типу военного образца, которые в этих местах носят большинство охотников, закурил, сильно затянувшись, выпустил дым и пояснил расклад дальнейших действий: — Вызовем его, как и решили. Он все равно понесется их выручать, что с девкой, что без нее, а дальше все, как и планировали, — и хохотнул. — Жалко только поскучать придется, пока ждем, с бабой-то время веселее провели бы, — и добавил матерно, как именно они собирались весело проводить время в присутствии Стеши на этом «празднике жизни».

— А может, и повеселимся, — предположил еще один участник бандитской группы, подходя к сидевшему, и пояснил, перемешивая свою речь матерными составляющими: — Если она узнает, что ее пацаны куда-то вляпались и у них проблемы, то, может, с егерем вместе и побежит спасать, — и заржал. — Начальница, е...

— Там посмотрим, — не разделил его оптимизма, видимо, главный тут у них Чума и приказал: — Ну-ка, Бык, тащи этого. — Он указал на Витю, все вытиравшего и вытиравшего тыльной стороной ладони кровь, текущую из разбитой губы.

Его «лосистый» кореш по прозвищу Бык в два здоровенных шага оказался рядом с парнем, ухватил Тюрина за шиворот, как только недавно Ар-

кашу, и поволок за собой по земле. Подойдя к сидевшему на рюкзаке главарию, поставил перед ним на колени Витю, не забыв попинать его и потрянуть предварительно. Видимо, добиваясь пущего испуга.

— Ты у них тут за главного, когда начальница отдыхает? — глумливо хмыкнул непонятный пока еще до конца Чума.

— Я, — кивнул Витя.

— Как звать? — спросил мужик.

— Виктор, — пробурчал Тюрин.

— Ну, так вот, Витя, — почти ласково обратился к нему мужик. — Сейчас ты достанешь рацию, я в курсе, что у вас армейская КВ-радиостанция с дальним диапазоном и вы постоянно на связи с заимкой, и вызовешь Славина. Скажешь ему, что проводник ваш дядя Миша Куликов упал с обрыва и сильно расшибся. Очень сильно. Теперь лежит весь переломанный, без сознания, и вам требуется срочная помощь для эвакуации. Ты меня понял?

Витя кивнул, мол, понял.

— Молодец, — похвалил мужик. — Объяснишь, что вы могли бы и сами его вынести из тайги, да только не знаете точный маршрут и можете заблудиться. А чтобы ты глупостей не наделал и не сболтнул чего лишнего, мои ребята постоят рядом с твоими мальчиками во время вашего разговора. — Он кивком приказал своим людям выполнять сказанное. «Лось»-Бык и двое остальных бандитов подошли к стоявшим на коленях Игорю, Аркаше и Андрею. А старший продолжил объяснять Вите дальнейший расклад: — За каждое твое неправильное слово или неубедительную интонацию мы будем отстреливать или отрезать твоим друзьям важные части их тела. Если егеря засомневается в твоих словах или начнет задавать непра-

вильные вопросы, кого-нибудь из них пристрелим. Это понятно?

Витя снова кивнул, не удосужив бандита словесным ответом.

— Опять молодец. Идем за рацией, — и осклабился издевательской улыбочкой. — Я провожу.

«Так-так! — продолжая снимать все очень старательно и наводя крупные планы на лица каждого из бандюков, начала судорожно соображать Степанида. — Зачем им Василий Трофимович понадобился? Да еще так, вызвать в тайгу? Ну, вообще-то...» На этом месте ее мысль забуксовала — разум отказывался принимать единственный напрашивающийся вариант ответа. — Да ладно! — убеждала она себя. — Да нет, не может быть!! Что, они его тут убивать собрались?»

И со всей возможной ясностью и отчетливостью вдруг поняла, чувствуя, как волна страха прокатилась холодом по позвоночнику и вниз по ногам до самых пальцев, — будут! Еще как будут!

Это браконьеры, и не из числа тех, кто постреливает иногда дичь без разрешения для дома-семьи или в компании друзей и так, с оглядкой и осторожненько, — нет! Это отморозки полные, опьяневшие от денег и куража своей безнаказанности, способные убить кого угодно — тайга все скроет и спишет — ищи потом, общешься — пропал человек — и нет, сгинул!

Это такой тип людей, маргиналы конченные, которые кайф ловят от самой погони, охоты за дичью и готовы стрелять в кого угодно, когда угодно и сколько угодно в любой сезон, лишь бы за это отвалили хороший куш.

Эти даже на тигра ходят. Да что там даже — тигр их основной источник нелегального заработка. Туша тигра стоит офигенных денег! Просто офигенных! И китайцы, основные заказчики этих ко-

шачьих, готовы выложить такие деньги в любой момент. И заказывают, суки, поощряют! Хотя не только китайцы.

А поскольку вся деятельность этой братвы не просто противозаконна, но уголовно сильно наказуема на нехилые сроки в местах весьма отдаленных, а уж за тигров так и вообще можно до трясучей старости сидеть, то понятное дело, что браконьеры эти глубоко криминальный элемент, готовые, не парясь никакими моральными и нравственными сомнениями, убить любого человека, вставшего на их пути. Любого!

А Славин не любой и не просто встал на их пути — он умудряется как-то их выслеживать и брать с поличным в момент охоты, доказательства бесспорные их деяний собирать и в наручниках привозит и сдает козлов этих не в городскую полицию, где каждый друг другу брат-сват да друг любезный и «замылить» могут любое дело, а в районную.

На минуточку, если учесть, что программа охраны и разведения уссурийских тигров находится на личном контроле у самого президента, то бравые районные полицейские, а иже с ними и прокурорские, и судьи так дрожат за свои погоны и седалища, что с великой радостью отправляют доставленных Славиным браконьеров под самые суровые статьи, не забыв присовокупить к ним и нападение на егеря с огнестрелом при исполнении.

Василий Трофимович, как только занял пост егеря, на всю область объявил, громогласно и доходчиво, что на его территории браконьеров не будет и он повыведет их, как вошь. Предупредил и велел другим передать. Только за последний год он, иногда вдвоем с помощником, задержал и передал полиции три браконьерские группы по че-

тыре-пять человек, две из которых были не местные, а залетные.

Неудивительно, что браконьеры люто ненавидят Славина! Люто! И они объявили ему войну. Насмерть. Говорят, что даже между собой награду за его ликвидацию назначили. Но это слухи, а может, и не совсем слухи...

Эти убьют. И ради того, чтобы уничтожить Славина, не задумываясь, могут положить и других людей. Они и спланировали всю эту историю с захватом научной экспедиции ради убийства Славина, чтобы заманить в лес и устроить ему засаду.

И бить будут как зверя — на движение, на шорох! Без разговоров и предупреждений — в спину, чтобы наверняка!

Они Михаила Евгеньевича, наверное, уже убили! Не шевелится даже! Стеша постоянно на него камеру наводит, присматривается, а он как неживой. Он этих сволочей в свое время, когда сам был здешним егерем, сильно прижимал, в него и стреляли сколько раз, и ранили трижды, а уж грозили-пугали — и не счесть.

А их научная экспедиция очень «удачно» вписалась в планы этих бандюков! Хотя не было бы их — любую другую группу могли захватить: здесь и туристы-экстремалы частенько шастают, по рекам сплавляются, и людей, желающих отдохнуть от цивилизации, хватает, да и нормальных, законопослушных охотников. Группе просто не повезло.

И тут ее окатило, как кипятком, мыслью:

«А что они с ребятами сделают, после того как со Славиным расправятся?.. — и задохнулась от осознания: — Они же свидетели!..»

Стеша даже головой покрутила — ну не могла она поверить в то, что это возможно! Бред какой-то! Ну не может подобное происходить на самом деле!

Вот так просто, среди бела дня, пусть даже в лесу глухом, но в наше время — это же не гражданская война, не немцы же, в конце-то концов, — кто-то захватывает членов научной экспедиции и серьезно, реально собирается их...

— О, смотри! — загоготал один из бандитов внизу. — Леший наш, похоже, очухался!

Степанида глубоко вдохнула, задержала дыхание, зажмурилась сильно-сильно, справляясь с накатившим приступом паники, страха, отрицания и неверия в происходящее, и медленно выдохнула — надо держать себя в руках, никакого недоумения тупого, сомнений и паники!

Никакой!!

Нефиг, как девица нервная, тут рефлексировать! А ну взяла себя в руки! Может, не может! Есть реальность — вот она! Избитые мальчишки, стоящие на коленях, с руками, сложенными за головой, и бандюки!

Парни ее прикрыли, предупредили, как могли, специально громко кричали, дали ей возможность спрятаться, уйти, и сейчас она единственная, кто может что-то предпринять, чтобы спасти всех. Ну, не так героически-бравурно — спасти! Она все-таки не спецназовец какой кинематографический, что десятки врагов одной левой побеждает! Но сделать все возможное, чтобы предупредить Василия Трофимовича и попытаться помочь мальчишкам, она должна!

Что-то сделать!! Что-то же она может, обязана сделать!!

Степанида посмотрела вниз и поняла, что дядя Миша жив, пришел в себя и пытается сесть! Значит, не убили, живой! Ура!

Но радоваться оказалось рано.

Двое бандитов, подхватив под руки, протащили Куликова в центр площадки, где стоял их

старшой, и швырнули на землю у его ног. Тот присел на корточки, ухватил лапищей дядю Мишу за бороду и подбородок и резко поднял его лицо, так, чтобы смотреть ему в глаза, намеренно сделав больно.

— Ну что, старый хрыч, отбегался? — спросил он и хмыкнул довольно. — Должок у меня, помнишь? Не рассчитались.

— Не одалживаюсь, — прохрипел Михаил Евгеньевич. — Жаль только, мало ты тюряги похлебал, Коля, не поумнел, смотрю.

Лицо у этого Чумы-Коли вдруг прямо мгновенно покраснело от прилившей крови, исказилось от ненависти, словно его смял кто-то огромной невидимой рукой, и он стал задыхаться от переполнявших его эмоций.

Резко поднявшись с корточек, главарь бандитов со страшной силой размахнулся ногой и ударил в лицо Михаила Евгеньевича настолько сильно, что того отбросило на спину и кровавая юшка вылетела из его рта волной по дуге и плюхнула на камни. А Чума как озверел и все колотил и колотил ногами уже бесчувственное тело куда попало! К нему подскочили еще двое, словно дикие псы, почувствовавшие кровь, и тоже принялись бить Куликова ногами... Стеше, оторопевшей от ужаса, даже показалось, что она слышит, как они по-щенячьи повизгивают от возбуждения и вида крови!

Как же страшно они его избивали! Страшно до жути!! Зверски!!

Она все снимала и снимала, сжав зубы, так, что аж желвакам стало больно, — снимала подробно, каждую деталь, приближая и удаляя картинку на экране, не отдавая себе отчета, что делает, не замечая слез, беззвучно катившихся по щекам, чувствуя, как колотится набатом в груди сердце! Она